

Наднеева Кермен Анджукаевна
Nadnueva Kermen Andzhukaevna

профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова доктор философских наук, профессор.

Professor, Department of Philosophy and Culturology, the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikova, Doctor of Philosophy, Professor.

Тел.: 8 (917) 681-58-02.

ОСОБЕННОСТИ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХИИ

Peculiarities of the axiological orientation of Russian emigration in the Czech Republic

В статье раскрываются особенности аксиологической ориентации русской эмиграции в Чехии, подчеркивается, что роль русской эмиграции, в том числе и калмыцкой, неоднозначна. Автор отмечает, что эмиграция разделила Россию на две половины: советскую и зарубежную, при этом обе стороны старались сохранить духовную ценность русской культуры. Анализируются три волны эмиграции и делается вывод, что русская эмиграция в Чехии – это результат кросскультурного диалога, который выполняет интегрирующую функцию в сохранении культурного наследия.

Ключевые слова: эмиграция в Чехии, кросскультурный диалог, калмыки, свобода выбора, эмигрантская культура, три волны.

The article reveals the peculiarities of the axiological orientation of Russian emigration in the Czech Republic, it is emphasized that the role and place of Russian emigration, including Kalmyk, are ambiguous. The author notes that emigration, is divided Russia into two parts: Soviet and foreign. At the same time, both sides tried to preserve the spiritual value of Russian culture. Three waves of Russian emigration are analyzed, and it is concluded that Russian emigration in the Czech Republic is the result of a cross-cultural dialogue that fulfills an integrating function in preserving the cultural heritage.

Keywords: emigration in the Czech Republic, cross-cultural dialogue, Kalmyks, freedom of choice, emigrant culture, three waves.

Феномен «русская эмиграция» как целостное образование трудно проанализировать в одной статье в силу его обширности, многоаспектности и многоуровневости. Вследствие этого в данном исследовании внимание акцентировано на роли и месте русской эмиграции в Чехии, в которую входит и калмыцкая. Это бывшие офицеры белой гвардии, казаки-калмыки, священники и яркие представители калмыцкой интеллигенции: Д. Баянова, Б. Уланов, А. Борманджиев и другие. Лидеры калмыцкой эмиграции пытались сохранить идентичность нации, калмыцкую культуру, и им это удалось.

В рамках противоречивого и самостоятельного явления эмиграции Россия разделилась на две половины, при этом обе стороны старались сохранить духовные ценности русской культуры. Традиционно исследователи выделяют три волны русской эми-

рации: первая волна охватывает период между двумя мировыми войнами, вторая волна – начало середины 40-х годов XX столетия, третья – 60-е годы XX и начало XXI века – время относительной устойчивости и осмысления бытия. Представители первой волны русской эмиграции Т. В. Адамович, М. Цветаева, В. Маклаков, И. А. Бунин, братья Маковские, Р. Якобсон и другие считали, что не стоит делать акцент на антикоммунистическом прошлом, лучше смотреть в будущее и выполнять задачу защиты личности. Особенностью второй волны стала историческая память, религия, сохранение родных языков, культуры (Н. Берберева, В. Лебедев, В. Федоров и другие). Самые известные эмигранты третьего периода – И. Бродский, Т. Ратгауз, В. Варшавский, К. Набоков, Г. Галданов, сформировавшиеся как личности за рубежом. Главный мотив их творчества сочета-

ет в себе ностальгическую память о России и желание вернуться на Родину, тему собственного эмигрантского существования, драматического и трагического, но осмысленного и уже включенного в культуру страны проживания.

В результате эволюции русская культура преодолела кросскультурный процесс, который способствовал преобразованию человека из однополярного в многополярного: билингвизм, многоязычие, метисация (смешанные браки, обычаи и традиции). Человек обращается к европейской культуре, сохраняя этносное, личностное миропонимание. Создается новое структурное объединение – метиссаж, которое не противоречит ни современности, ни традициям, а сочетает в себе ценности разнообразных сфер жизни, в результате чего вырабатывается новый категориальный аппарат, легитимирующий происходящие философско-культурные рефлексии.

Актуальность проблемы усугубляется недостаточным осмыслением возникающих в мире новых культурных практик, недооценкой их потенциала в формировании многогранного облика современной культуры с учетом миграционных процессов в создании нового человека (отсутствие классового и политического подходов); расширяется география исследования эмиграции, вовлечения ее в культурологию и философию.

Благодаря благосклонности президента Я. Масарика Прага являлась центром русской и калмыцкой эмиграции: в столице Чехии действовал субсидированный Центр развития Зая-Пандитской традиции, в котором работали представители калмыцкой интеллигенции. Президент также оказал содействие в финансировании организации «Комиссия калмыцких культурных работников» (далее – КККР), которая создавалась по инициативе Б. Н. Уланова.

Работники КККР своими силами собрали библиотеку калмыцких, монгольских и других востоковедческих публикаций, выпустили сборник оригинальных калмыцких сочинений на зая-пандитской письменности, а также переводы, в частности, «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина (перевод Д. Баяновой); историю приволжских калмыков профессора Н. Пальмова (перевод Ш. Бабинов) и другие. Следующим шагом стал выпуск неперидического журна-

ла «Улан-Залата» («красная кисть») в 1927, 1928, 1930 годах – первый публицистический опыт калмыцкой интеллигенции. В острых дискуссиях журнал защищал идею преобразования СССР в федерации, одной из которых могла стать федерация кавказских государств, а в ее состав, вероятно, вошла бы автономия калмыков. КККР уделяла большое внимание молодежи, ей удалось добиться стипендии для калмыцких студентов Карлова университета, обеспечить им общежитие и включить в преподавательский штат учителя калмыцкого языка и наставника для калмыцких мальчиков, посещавших русскую гимназию в Праге. Этим преподавателем стал Д. И. Ремелев, который жил в Праге до 1934 года.

15 апреля 1930 года вышел в свет первый и единственный номер журнала «Информация КККР в ЧСР» (главный редактор – Б.Н. Уланов). В журнале остро ставился вопрос о национальной прессе, которая являлась «самым могучим средством сопротивления процессу денационализации калмыков, забвению своего родного языка, письма и духовному порабощению калмыцкой психологии иным языкам, что неизбежно приведет к потере нами, калмыками, своей национальности, самобытности и национального бытия». Крупный пласт осмысленного бытия составляют мемуары, среди которых книга «Мемуары Бунина». Художественное богатство и многообразие стилей эмигрантской литературы, публицистики раскрываются в творчестве С. Черного, М. Алданова, В. Ходасевича, калмыцких эмигрантов С. Балькова, Хара-Давана, А. Борманжинова и других [1, 2, 3, 4].

Вследствие этого необходимо развитие философского, культурологического знания, соотношения человека и общества, восстановления России как глобального интеллектуального центра, самостоятельно принимающего решения о защите своих культурных ценностей.

В классической гуманитарной науке сложилась определенная традиция исследования русской эмиграционной культуры. Преобладал кумулятивный подход, имеющий истоки в гуманитарной мысли Просвещения. Это способствовало формированию представлений о сохранности и незыблемости духовных ценностей, неизменному возрастанию культурного потенциала человечества. К наиболее авто-

ритетным исследователям XX века, не разделявшим подобный подход, можно отнести А. Тойнби, который выдвинул концепцию «вызова и ответа» в двенадцатитомном труде «Исследование истории» (1931–1961) – высшем достижении истории и культуры. Следуя концепции Тойнби, автор берет за основу его идею о «человеческом выборе», когда представители русской и калмыцкой эмиграции в полной мере использовали творческие усилия, в результате чего челночное движение, выступившее сначала как инертная масса, не только приспособилось к новым социальным ценностям бытия, но и, сохранив свой духовный потенциал и жизнеспособность, стало неотъемлемой частью культуры России и Чехии. Отечественные, зарубежные, калмыцкие и чешские исследователи в данной области П. Б. Струве, Т. П. Булакова, В. И. Сабенникова, М. В. Ковалев, В. Маслов, А. Д. Алексеев, В. М. Дианова, А. В. Азов, А. Борманджиев, В. П. Санчилов, А. Т. Горяев, И. В. Борисенко, Э. Б. Гучинова, А. Копрживова, М. Г. Валданковская, П. Рубел и другие рассматривают русскую эмиграцию как часть культурного наследия России. Революция оторвала от России, вырвала из ее сердца наиболее крупных писателей, в какой-то степени обескровила, обеднила русскую и калмыцкую интеллигенцию. И. А. Бунин, Н. А. Бердяев, А. И. Куприн, А. М. Ремизов, В. Ф. Ходасевич, И. А. Бродский, Г. Галданов, А. И. Уланов, А. Н. Баянова и другие оказались по другую сторону рубежа, не порвав связей с русской и калмыцкой культурами, традициями, обычаями, и были вынуждены искать свою нишу. Такая ситуация создала взаимоисключающие мнения о русском зарубежье, так, Г. Струве писал, что русская зарубежная литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, которая вольется в общее русло литературы. Совершенно иную позицию занимал М. Слоним, считавший, что «эмигрантская литература – лишь ветвь на общем стволе. Она жива постольку, поскольку жив ствол; она питается его соками, она расцветает, если обмен этот жив и полон, и засыхает едва он прекращается» [5, с. 21]. Хотя эти взгляды противоположны, но их объединяет желание сохранить русскую культуру и внести вклад в осмысление переломных исторических событий Первой мировой войны и Октябрь-

ской революции 1917 года. Произведения «Окаянные дни» И. Бунина, «Солнце мертвых» И. Шмелева, «Зверь из бездны» Е. Чирикова, «Лебединый стан» М. Цветаевой, «Сильнее власти» С. Балыкова и другие, созданные в эмигрантский период, не противоречат друг другу, а, наоборот, благодаря их интеграции складываются в полноценную картину истории, культуры страны, которая нужна современному человеку.

Говоря об эмигрантской культуре и литературе, исследователи отмечают, с одной стороны, ее замкнутость и недоступность, а с другой – временную объединенность с ценностями, оставшимися в России. Историк искусства В. В. Вейдле в книге «Задача России» писал: «Были сталинско-ленинские премии, хлам, и с нашей стороны был хлам; но не было двух литератур, была одна русская литература XX столетия» [6, с. 39]. И действительно, народная основа, фольклор, традиции, обычаи, русский язык, этнокультура – все это неразрывно объединяло эмиграцию и метрополию. На какое-то время все европейские государства, наука, культура, техника испытали воздействие русского зарубежья. В. Маслов в своей работе «Первая волна русской научной эмиграции в Чехословакии» обращает внимание на то, что в Праге были основаны русский университет, институт изучения России, Русский пединститут имени Я. Коменского, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русский институт коммерческих знаний, Русское высшее училище техников путей сообщения, которые готовили кадры для русских эмигрантов; создавались русские научные школы: школа знаменитого специалиста по проблемам интуиции и свободы воли Н. О. Лосского, школа академика Н. П. Кондакова. Из числа написанных под его руководством – диссертация М. Шахматова «Учение русских летописей домонгольского периода о государственной власти» [8]. И. В. Сабенникова подчеркивает, что русская эмиграция оказалась в эпицентре событий и стала результатом невиданной в истории социальной катастрофы, отразив ее масштабы. Продолжая свою мысль, исследователь обращает внимание на то, что русская эмиграция породила особый культурный тип, связанный со стремлением людей сохранить представление о мире в условиях, когда он перестал существовать как реальность и со-

хранился лишь в социальной памяти, религиозных ценностях, культурных традициях, литературных произведениях, языке. А. В. Азов в своей докторской диссертации «Духовное самоопределение творческой личности в трагической ситуации: русская эмиграция первой волны» изучает религиозный фактор эмигрантской диаспоры, где христианство предстает как преодоление наличного бытия с прорывом в подлинное бытие. Эту же задачу ставила и калмыцкая эмиграция, являясь представителем России, связывая себя с христианством и буддизмом. Национальная самоидентификация русских и калмыков осуществлялась духовным вкладом в мировую культуру в расширенном контексте. Исследователь М. В. Шкаровский в своем труде «Русская Православная Церковь и другие конфессии Советского союза в годы Великой Отечественной войны (историографический и источниковедческий обзоры)» обращает внимание на достоинства и изъяны Русской православной церкви и других конфессий. Признавая положительную роль патриотической деятельности Русской православной церкви в период войны, в то же время М. Шкаровский обращает внимание на сотрудничество некоторых русских и калмыцких священнослужителей с гитлеровцами, приводит пример участия в борьбе с гитлеровским режимом православных чешских священнослужителей. Чешская исследовательница А. Копрживова выделила во взаимоотношениях русских и чехов три периода: «сравнительно короткий этап восторженной приязни»; «быстро наступивший этап взаимного разочарования и охлаждения»; «длительный этап постепенного привыкания, развития взаимопонимания и сближения». Большую роль в этом процессе играли сложившиеся этнокультурные стереотипы, устойчивые представления друг о друге, которые, однако, со временем могли изменяться, и эти проблемы предстоит проанализировать в дальнейшем [4, с. 125].

Рассматривает тему русской эмиграции другой чешский исследователь М. Г. Валданковская. Вопросами «культурного синкретизма» («cultural synkretism»), транскультурности («transkulturalitet») занимались U. Hanners, W. Welsch, H. Bhabkha, которые используют термин гибридизации («hybridity»). Идеи зарубежных ученых способствуют более гло-

бальному осмыслению русской эмиграции, несмотря на тематическое разнообразие, все ученые стремятся понять, проанализировать и раскрыть сущность русской эмиграции в Чехии.

Русская эмиграционная культура – особое явление, своеобразное как по содержанию, так и по форме. Вследствие этих особенностей отдельные историки философии отказывались видеть ее сущность: эмигрантская культура не всегда соответствовала канонам, которые принимались за образцы; происходила смена лидерства темы в сторону моральных ценностей, а не социализации; акцент делался на этнофилософию.

В настоящее время мало изучен уникальный архив русской эмиграции, находящийся в Карловом университете (Русский архив), а также эмигрантские журналы: «Русская мысль», «Ойрат», «Хонх» («Колокол»), «Улан-Залата» («Красная кисть») и другие. Исследование эмигрантского наследия будет способствовать раскрытию сознания и этносознания эмигрантов, прослеживанию эволюции, новых культурных практик, возникших в результате кросскультурного процесса, и их многомерному измерению в контексте национально-культурной идентичности и философской рефлексии.

Проблема русской миграции в Чехии рассматривалась первоначально в областях исторического, политического и этнографического знаний, иногда мозаично и фрагментарно. В основном научные труды того периода посвящались политике или социальным аспектам. Современные исследования наглядно продемонстрировали, что эти сферы не являются замкнутыми, но находятся под постоянным и интенсивным воздействием культуры и философии. Данная тема анализировалась историками, культурологами, философами сначала как просветительская, а затем как стратегия осмысления сущности русского зарубежья. Позднее проблематика нашла свое отражение в исследованиях школы неокантианцев (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) и работах К. Леви-Стросса, М. Фуко. Культурное зарубежье все меньше воспринимается как однородная, закрытая, застывшая целостность, а, наоборот, является разнородным противоречивым развивающимся феноменом.

Русская миграция в Чехии – составляющая культуры России, и невозможно отделить

вклад русского зарубежья от русской культуры, поскольку в прошлом имели место отдельные проявления волонтаризма.

Соответственно, внутри эмигрантского движения существовали разнородные мнения. П. Струве писал, что «культура – это поле, причастность к которому обеспечивает созвучие человека, наделенного “личной годностью”» [8].

Совершенно иную позицию занимает А. В. Азов, считавший, что русская эмиграция должна сосредоточиться на новой идеологии для будущей свободной России [9]. Автор демонстрирует нестандартное осмысление переломных событий страны, системность и комплексность анализа выражаются в единстве экономического и социального, политического и экономического, интеллектуального в органическом восприятии эмигрантской культуры, что способствует расширению и познанию ее сущности, особенностей и эволюции. Сначала высокая политизированность («красные», «белые»), затем монархическое государство,

впоследствии вхождение и пропаганда духовных ценностей. В то же время происходит децентрализация, когда субъект перестает быть ядром объективного знания и приобщается к культуре страны проживания.

Русская эмиграция в Чехии – результат сложного кросскультурного диалога, на который оказали влияние различные этнические и социальные факторы России и Чехии, с выходом в другие страны, в частности, Югославию и Америку. Культура эмигрантских процессов развивается в рамках основного культурного партнерства и выполняет интегрирующую и культурологическую функции. Открывается новое проблемное поле в современной культурологии, вводится новый категориальный концептуальный аппарат, что позволяет определить перспективы развития эмиграционного процесса и движения в современной философско-культурологической мысли, углубить проблематику в рамках эволюционного процесса, взаимодействия и взаимопроникновения культурных аксиологических установок.

Литература

1. Литературное зарубежье России. М., 2006.
2. Бальков С. Сильнее власти. Мюнхен, 1976.
3. Хара-Даван Э. Калмыки и Югославия. Прага, 1930.
4. Борманжинов А. Ламы донских калмыков. Элиста, 1997.
5. Слоним М. Литературный дневник // Журнал «Воля России». 1922. № 11.
6. Вейдле В. В. Задача России. Нью-Йорк, 1956.
7. Ковалев М. В. Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920–1930-е годы: исторические очерки. Саратов, 2014.
8. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. 3-е изд. М., 2003.
9. Азов А. В. Духовное самоопределение творческой личности в трагических ситуациях: русская эмиграция «первой волны»: дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 1999.

Bibliography

1. Literary Abroad in Russia. Moscow, 2006.
2. Balykov S. Stronger than power. Munich, 1976.
3. Hara-Davan E. Kalmyks and Yugoslavia. Prague, 1930.
4. Bormanginov A. Lama of the Don Kalmyks. Elista, 1997.
5. Slonim M. Literary Diary // Magazine «The Will of Russia». 1922. № 11.
6. Weidle V. V. The task of Russia. N. Y., 1956.
7. Kovalev M. V. The daily life of the Russian emigration in Prague in the 1920–1930s: historical essays. Saratov, 2014.
8. Gritsanov A. A. The newest philosophical dictionary. 3rd ed. Moscow, 2003.
9. Azov A. V. Spiritual self-determination of a creative personality in tragic situations: Russian emigration of the «first wave»: dis. ... doctor of philosophy. Ekaterinburg, 1999.